

А.Ф.Кони

Собрание сочинений

Том 7. Очерки и воспоминания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
К64

Кони А.Ф.
К64 Собрание сочинений: Том 7. Очерки и воспоминания / А.Ф.Кони – М.: Книга по Требованию, 2021. – 574 с.

ISBN 978-5-458-53132-0

Впервые осуществляемое издательством «Юридическая литература» издание Собрания сочинений А. Ф. Кони включает в себя наряду с известными ряд недавно обнаруженных составителями произведений и писем, представляющих большой интерес для широких кругов читателей. Таким образом, в настоящем издании Собрания сочинений А. Ф. Кони сделана попытка более полно представить многогранное творчество замечательного юриста. В то же время широкое привлечение новых, неизвестных ранее материалов позволило отказаться от перепечатки некоторых произведений, утративших историческую, юридическую и литературную значимость.

ISBN 978-5-458-53132-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ *

Трудно жилось русскому человеку в XVII веке.

С востока и запада враждебно окружали его иноземцы, возбуждая его крайнее недоверие, — чуждые ему по вере, по образу жизни, по языку, непонятные в своем общественном устройстве, — всегда могущие то угрожать силою, то действовать хитростью и коварством. Против всех надо было быть настороже и сторониться от них. Поэтому личные сведения людей Московской земли о чужих странах были крайне скудны и поверхностны. Еще более недостаточны и в значительной мере фантастичны были сведения научного характера, преимущественно из области космографии. Хотя царем Михаилом Федоровичем и была дана в 1639 году Олеарию грамота о том, что «ведомо нам учинилось, что ты гораздо научен и навычен в астрономии и географус, и небесного бегу, и землемерию, и иным многим надобным мастерствам и мудростям; а нам, великому государю, таков мастер годен» *, но еще сорок лет спустя Симеон Полоцкий определял число языческих богов в 30 тысяч и писал, что видимый мир состоит из естества небес и естества стихийного, небеса же суть троякие: небо *эмпирейское* в 428 тысяч верст, небо *кристальное* и затем *твердь*, на которой водружены звезды и планеты и т. д. *.

Какие космографические и политико-экономические понятия были распространены в нашем обществе до конца XVII столетия и находили себе выражение не только в рукописных хронографах, но и в печатных сочинениях, видно из того, что там трактовалось о «Мазическом царстве девичьем», жительницы которого сходятся с «Ефиопами с году на год; мужской пол отдают Ефиопам в их землю, а женский пол оставляют», — о великанах с

песьими головами, о змеях, у которых «лицо девическое, до пупа человек, а от пупа хобот змиев, крылаты, а зовомы василиски», — «о людях Астромовех, кои живут в индейской земле, сами мохнаты, без обеих губ, а питаются от древа и корения пахнучего и от яблок лесных, а не едят, не пьют, только нюхают, и покамест у них те запахи есть, по та места и живут», — и о людях «Монокулях об одной ноге, а коли солнце печет и они могут покрытись ногою, как лапою» и т. д. *.

В этого рода сочинениях описанию соседей наших с Запада отводилось меньше места, чем фантастическому описанию «дивных людей», да и характеристики этих соседей отличались большою краткостью. Так, французы оказывались «зело храбры, но неверны и в обетех своих не крепки, а пьют много», жители «королевства агленского — немцы купеческие и богатые, воинских людей у них мало, а сами мудры и доктуроваты, а пьют много», а люди королевства польского «величавы и обманчивы, — пьют зело много, платье носят зело цветно и всяким слабостям покорны, а власть имеют велику, паче всех земель» *.

Хотя старая Русь имела довольно богатую духовную письменность, хотя она обладала многими летописями, сказаниями и поэтическими легендами, но во всех них было отсутствие сведений о западе Европы и о явлениях природы. Четьи-Минеи, Китежский летописец 1167 года, переписка Новгородского архиепископа Василия с Тверским епископом Федором в XIV веке о рае видимом и рае мысленном и т. п. полны поэтических образов, но не имеют никакого отношения к современной им действительности, а такие сочинения, как, например, Домострой или труд Котошихина, касаются исключительно внутреннего быта и обычаев старой России *.

Не было и личного ознакомления русских людей с Западом. Путешествия и паломничества последних направлялись на Восток. Повествования о них крайне односторонни и содержат в себе наблюдения чисто внешнего характера. Таковы описания хождений в Святую землю в XVI веке игумена Даниила и старца Леонтия, в XV веке инок Симеона и купца Афанасия Никитина и в XVII веке купца Василия Гагары. Все эти описания наполнены главным образом рассказами о святынях, храмах и местах, освященных чудесами, причем всё это воспринято авторами с крайнею доверчивостью. Так, например, Гагара рассказывает, что

видел в Иерусалиме пуп земли и щель, ведущую в ад, и верит в то, что близ Тифлиса в горах живут цари Гог и Магог, а между двумя вершинами Арарата стоит Ноев ковчег*.

Отчеты и статейные списки служилых людей, посылаемых в чужестранные земли в XVII веке, отличаются лишь сведениями, почерпнутыми из внешней наблюдательности, лишенной анализа, или принятыми на веру данными сомнительного достоинства. Примером может служить отчет посольства к Алтын-царю (Монголия) казаков Тюменева и Петрова в 1617 году. Послам в числе пяти человек предписано было давать поденного корму «на человека в день по два калача да говядины как им можно сытым быть, да питья всем вопче по тринадцать чарок вина, три ведра пива и ведро меду». Они доносили между прочим: «а на завтрее того дни ели мы у Алтын-царя, а царь перед нами государю шертовал по своей мусулской вере: подымал на руки бога своего честно. А бог у них вылит в золоте, что робенок невелик, а царь говорил, что у них только и веры, что они богов своих подымают и им кланяются, а не прикладываютца. А на отпуске дал им царь своего жалованья по три коня да одному из них дал девку, и та у него девка в дороге у Соли Вычегодцкой умерла, а вез он ее к Москве, да им же дал по шубе боранье опушены соболми»*. Так, в другом отчете в 1697 году рассказывается, что около Сицилианского острова стоит гора Струмболий, на верху которой непрестанно горит огонь, а в горе, по словам жителей, обиталище дьявола, а также что в Венеции у сенатора много натуральных вещей и в том числе каменные раки от натуры великие, курица о четырех ногах и василиск, который может умертвить человека зрением. С начала XVIII столетия поездки русских людей в Западную Европу становятся чаще, но внимание путешественников в первое время главным образом обращается на явления природы и на то, что «преудивительно» поразило их взор своим несоответствием виденному на родине. Их, между прочим, приводит в удивление «предивной работы божница, во имя поганского бога Венуса и поганской богини Дианы и Меркурия, коим приносил жертвы проклятый Нерон и за ту свою к ним любовь купно есть в пекле». Также удивляют их «в спиритусах бальзамные младенцы в скляницах стеклянных, и плавают в том спиритусе, и стоят так хоть тысячу лет, не испортятся, а также разные

животные также в спиритусах — крокодилы малые, и ехидны, и мартышки не токмо здешних европейских, но наипаче ориентальных остинских и вестинских государств». Путешественники во многом затруднялись незнанием местного языка, а также трудностью пути, причем им приходилось «видеть много смертных страхов от зело прискорбного и трудного пути, от безмерно многого камня острого по дороге, самой тесной среди безмерно высоких каменных гор» *. Поэтому подробностей о внутреннем политическом устройстве, характере народа и его верованиях почти не встречается, кроме некоторых замечаний относительно светского обращения, а также женского пола и развлечений в театрах и на ярмарках. Некоторые сведения о существующих в Западной Европе светских правилах становились у нас известными уже в XVII веке. Недаром еще при царевичах Петре и Иване состоял иностранец Рамбург для преподавания «танцовального искусства и поступи немецких учтивств» *. Последние, впрочем, далеко не всем приходились по сердцу, и одна из русских царевен, жившая при дворе немецкого принца, жаловалась, что ей тошно становится «от куплиментов немецких и от приседания хвоста» *.

В 1709 году для общего сведения была даже переведена с латинского и издана «краткая книжица политических или гражданских обходительных поступков по правилам Мазариновым» *.

Стольник Толстой в 1697 году находил, что «народ женский в Венеции зело благообразен и строен, и политичен, высок, тонок и во всем изряден, а к ручному делу не очень охоч, больше заживают в прохладах». Венециане же «люди умные, политичные и ученых людей зело много; однако ж нравы имеют видом не ласковые, а к приезжим иноземцам зело приемны. Между собою не любят веселиться и в дома друг к другу на обеды и вечера не съезжаются, и народ самый трезвый, никакого человека нигде отнюдь никогда пьяного не увидишь, а питей всяких, вин виноградных разных множество изрядных, также розолинов и водок анисовых изрядных из виноградного вина сытеных много, только мало их употребляют, а больше употребляют в питьях лимонадов, симады, кафы, чекулаты и иных тому ж подобных, с которых человеку пьяну быть невозможно» *. Матвеев в 1705 году пишет: «Женский пол во Франции никакого зазору отнюдь не имеет во всех честных обращаться поведеньях с мужеским полом, как бы са-

мые мужи, со всяким сладким и человеколюбным приемством и учтивостью. Особенно же высоких фамилий дамы между собою повседневно съезжаются и, имея музыки, сами на них играют беззастенчиво и поют куда свободно. Не токмо особ чинных из господ французов, но и из иностранных свободно есть приезд с ними веселиться, что они за честь еще и за увеселение вменяют» *.

Сведения такого рода и им подобные, конечно, с трудом могли проникать в общество и не служили ему на пользу. С этим, однако, не мог примириться тот «работник вечный на троне», который «не презирал страны родной, но знал ее предназначенье» и «самодержавною рукой» в ней «смело сеял просвещение» *. Первый, в сущности, сознательный путешественник по Западной Европе, он желал распространения приобретенных им сведений по родной земле. Отсюда его заботы о водворении просвещения. Он учреждает Академию Наук, основывает первую газету. Но для школ у него нет средств в надлежащем размере, и он начинает влиять на живые и восприимчивые умы книгой, пропагандируя, таким образом, более обширные и верные сведения о природе и о чужих странах. Так появляются, по его почину и под его надзором и даже при его личном участии, переводы книг: «Геометрия сиречь землемерие», «География генеральная или повсюдная», «Книга мирозрения» Гюйгенса и др. *. Переводы эти должны были быть тщательно проверены и освобождены от лишнего, содержащегося в оригинале. Предписывая указом 1720 года Синоду заботиться о переводе книг по хлебопашеству, Петр пишет: «Понеже немцы многими рассказами негодными свои книги наполняют только для того, чтобы велики казались — чего переводить не надлежит» *. Вместе с тем он желает точности в переводах, поручаемых действительно знающим людям. «Переводчики, — говорит он, — должны иметь художество и языки, а не имея того художества, о котором переводит, перевести правильно не может» *. Поэтому в 1719 году в Москве выходит ныне чрезвычайно редкая и мало известная книга под названием «Земноводнаго круга краткое описание из старья и новья географии по вопросам и ответам чрез Ягана Гибнера собранное и на немецком диалекте в Лейпциге напечатано, а ныне повелением великого Государя, Царя и Великого Князя Петра Первого, всероссийского Императора, при наследственном

*благороднейшем Государе Царевиче Петре Петровиче — на
российском напечатано в Москве».*

Книга эта, удовлетворяя любознательности русских людей, призванных Петром Великим к более широкому кругозору, является интересной еще и потому, что представляет собой характеристику взглядов современного Петру западноевропейского образованного общества на различные исторические явления и бытовые стороны жизни.

«Описание земноводного круга» отпечатано на прекрасной, плотной бумаге, красивым, четким шрифтом и представляет собою большой том in quarto¹, с пятью гравюрами на меди. Первая изображает Атланта, держащего на раменах своих мир, по борту ее надпись: «Несу всех носящо, стар сый толь тяжкое бремя, се зрящ, всяк учися — не трать vsue время». Вторая, с надписью «Европы описание», изображает женщину в царском одеянии. По борту написано: «Сия трех частей и мудрости царица, в храбрости, в силе как в звездах денница». Гравюра «Описание Азии», изображающая торговцев в восточном одеянии, окружена надписью: «Сия сияла в силе своей славна, но днесь, при лучших не столь стала явна»; «Африки описание» — с изображением негров, слонов, львов — сопровождается надписью: «Аще и под солнцем, но черна есть телом, паче же грубым и гнусным своим делом». Наконец, последняя гравюра, с фигурой царя инков, бобрами, черепахами и змеями, предшествуя описанию Америки, повествует: «Что пользует сим множество богатства, егда не имут мудрости изрядства».

В книге 426 страниц. Она разделяется на «предуготовление на географию» и на отделы, называемые — ландкарта европейская, азиатская, африканская, американская и о неизвестных землях. Каждая ландкарта содержит описание всех стран, входящих в соответствующую часть света. В конце книги помещена глава «О глобусе», содержащая главные основания математической географии. По вопросу о вращении земли эта последняя глава высказывается очень осторожно. «Солнце причиняет день, а понеже на свете день и ночь меняются, того ради без сомнения из того следует, что либо солнце с фирмаментом, т. е. с твердию небесною, или земля движутся. Ежели по человеческому уму рассуждать, то, кажется, имовернее, что солнце

¹ В одну четвертую часть листа (лат.).

стоит, а земля движется, ибо...» и т. д. «И сей аргумент защищал и содержал Николай Коперник, духовный человек в Фрауенбурхе в Прусах, что и ныне многие приемлют и оному последуют. Между тем понеже именно в священной библии написано, что солнце течет в круг, а земля недвижима стоит, того ради святому писанию больше в том верить надлежит, нежели человеческому мнению. Сей же аргумент особливо славный дацкий математик Тихо Браге хранил, чему и донныне все согласуются, которые святому писанию неохотно прекословят. Мы, — глаголет автор книги сея, — согласуемся мнению Тихонскому и верим, что земля недвижима стоит, а против того весь фирмамент непрестанно около земли обращается».

Изложение физической географии стремится в книге к большой образности. Например, на вопрос, как разделяется Италия, дается ответ, что лучше при фигуре *сапога* остаться, а сапог разделяется на три части: верхняя — где отвороты, средняя — голенище и нижняя — ступень.

Яган Гибнер, автор этого «Земноводного круга», особенно интересуется нравами и свойствами жителей разных стран, а также их учреждениями. Описывая последние, он старается, однако, отмежеваться от области «политики», «истории» и «генеалогии», но, тем не менее, часто обращается к историческим фактам, давая им живое и своеобразное освещение. Характеристики отдельных народов, причем, конечно, наибольшее место отводится Европе, нередко поразительны по своей верности и уменью сочетать и выставить рельефно отличительные свойства народного характера. Меткие и решительные приговоры почти чрез двести лет не утрачивают своего значения и применимости в некоторых отношениях и к настоящему времени. Вот как, например, рисует автор *французов* в ответе на вопрос о том, «какие жители обретаются во *Франции*?» — «сии жители в учении зело любопытны, в экзерцициях поспешны, в войне высокоумны, храбры и скоропостижны, — к чужестранным учтивы и вежливы, — в платье переменны и замысловаты, — в языке своем искусны и благоприятны, королю своему верны и во всех делах скорую имеют резолюцию». Если отбросить стертую рукою истории «верность своему королю» и не поставить на счет храбрости французов их поражений в 1870—1871 гг., отнеся их, по всей справедливости, к бездарным «высокоумным» военачальникам и «скоропостижным» политикам, имевшим слишком

«скорую резолюцию», то пред нами будет живое изображение современных французов со всеми их отличительными свойствами. К другим двум романским нациям «Описание земноводного круга» относится с большою критикою. Ответ на вопрос о «состоянии жителей *гишпанских*» указывает, что у «оных хвалят остроумие их и постоянство, а против того хулят их гордость и ленивство», что «особый язык их с латинским во многом сходен и, таким образом, кажется, что онный от латинского родился» и что, наконец, «проезжие люди и иностранные гишпанскими корчмами зело недовольны». Отмечено враждебное отношение испанцев к французам: «Между гишпанцами и французами природная ли или обычная антипатия состоит — о том еще и донныне диспутуется». Но что стоит вне спора, это — экономическое истощение страны и ее малая населенность. «Гишпания в протчем гораздо столько жителей не имеет, сколько б оная обнять могла, а причины к тому отчасти за воздухом («Сия земля гораздо жарчае, нежели Германия», — говорится в другом месте), а отчасти за невременною любовию, также и ради безмерного множества духовных, ради изгнания маронов и для жестокой инквизиции и для многих оттуда переведенцев быть являются...» К малой населенности Испании автор возвращается и говоря о Франции, в которой «примечается в лошадях скудость, для того говоритца, ежели б в Гишпании столько людей родилось, как во Франции, а во Франции столько б лошадей, как в Гишпании, то бы обоим королевствам нужды не было». Верными чертами намечаются, таким образом, те язвы, которые разъели организм богатой и когда-то вполне культурной страны и отодвинули ее на задний план исторической сцены. Политическая мудрость и благородная терпимость звучат в этом перечислении причин падения Испании и звучат в то время, когда эти свойства во все еще не сделались достоянием здравого государственного управления. Достаточно припомнить, что за несколько лет перед тем происходило среди народа, «имеющего скорую резолюцию» по поводу отмены Нантского эдикта в 1685 году, когда «разослал король драгун своих гугенотов от веры их обратить в католицкую, чего ради некоторые отреклись от веры, дабы избыть мучения, некоторые же до смерти замучились, а многие, оставя имение свое и пожитки, поехали в швейцары, в Голландию и Англию, кроме тех, кои в севенских горах пребывают и несколько лет кал-

винскую веру против королевских войск шпагою обороняли, однако ж мало им в том удачи было». Автор книги, как мы увидим ниже, еще раз возвращается к вопросу о религиозной терпимости, говоря об Испании. «Гишпанцы» и «французы» служат мерилom для оценки *итальянцев*. «Не можно лучше итальянского нрава описать, кроме что когда говорится: что у них есть темперамент или природа между гишпанскою гордостью и французскою безпечальностью или веселостию». Рассаднику искусств и наук, озаренному светом Возрождения, отдается справедливость: «Итальянская нация достойна похвалы, ибо они суть остроумны, понеже они в музыке, и в архитектурном и в живописном и в протчих художествах и мудрых искусствах пред другими народами не мало превосходят». Но несимпатичные свойства народа, пустившего, между прочим, в свет поговорку «*la vendetta è una meta che e bisogna mangiare a freddo*» («мщение — кушанье, которое надо есть холодным»), не ускользает от автора. «Им (т. е. итальянцам) приписуется, — говорит он, — ревнование неведомо, либо за хулу или яко благочестие, также и превеликое неприступное злопамятство». Забота о положении путешественников сказывается и при описании Италии, где «прежде сего от бандитов или разбойников, а особливо внизу в Неаполи зело опасно приезжим бывало, однако ж ныне оныя гораздо успокоены и утолены». Но особо лестным мнением Ягана Гибнера, а быть может и русского переводчика, украсившего подлинный текст доброжелательными прибавками (подобно тому, как с очевидностью изменен и сокращен, применительно к взглядам русских читателей, текст ответов о России), пользуется излюбленная Петром Голландия. «Ремесло жителей оной есть купечество, которое в Голландии так возвысилось, и весьма имоверно, что во всем свете столько кораблей не обретається, сколько в сем малом государстве находится. И кто ведает, что народ оной зело правдив, простосердечен, трудолюбив, терпелив, бережен и *саможелателен*, тот не удивляется, что они в купечестве всех других народов превосходят. Но при том необъятном купечестве не покидают оныя и книжного учения, которое у них так в земле той распространилось, что они многие иные земли в том посрамить могут». Эта характеристика получает особую цену при сравнении голландцев с португальцами, «кои большое прилежание имеют к купечеству и торговлю во всех четырех частях света в

добром имеют состоянии, — но также склонны ко всем добродетелям и порокам, которые с сим ремеслом следуют, а особливо учение тамо весьма уничтожено, а во время мира, может быть, и воинскую храбрость весьма позабыли». Не менее голландцев нравится автору и население *Граубиндинской земли* (Граубюнден), где «зачинается река Рен» и где «жители живут zelo единодушно, мало знают о излишних роскошах и прихотях и, одним словом, являются, якобы из старого света остались», причем к их союзу относится и достопамятный город Семпах, «понеже тамо в 1386 году достались естрейхерцам * от швейцар немилостивые побои». *Англии* посвящено в «Земноводном круге» много ответов, в которых по отношению к Ирландии высказывается взгляд, донныне разделяемый большинством «благонамеренных» англичан, видящих в великодушных и мудрых предложениях Гладстона чуть не проповедь полного государственного разложения Британии. «О жителях Ирландии мало доброго пишут, — говорит Гибнер, — кроме того, что они к работе ленивы, к тому же худые и упрямые люди и понеже англичане усмотрели, что невозможно закоснелого в них нрава переменить и исправить, того ради многих переведенцев из Англии туда на житье отправили, а против того многими тысящами ирландцев другим potentатам поступились». Самый краткий и жестокий отзыв дается о небольшом государстве на юго-восточной границе Азии и Европы, причем говорится, что земля в нем сама по себе весьма хороша, но жители «не гораздо добры, ибо хотя они больше в христианской вере признаются, однако толь плохие имеют обычаи, что обыкновенно некоторые дети от отца воровать, а от матери бл.....ть научаются» *.

Вопросы веры и государственного устройства весьма интересуют составителя «Земноводного круга», хотя он и оговаривается неоднократно, что «состояние правительства надлежит в политику, — обстоятельства королевского дома в генеалогию, а прочее — в историю».

На вопрос, «кто государствует во Франции», он отвечает: «Франция всегда особого своего короля имела, прежде сего королевская власть zelo была принуждена, когда парламенты еще в великой чести и славе жили, однако, ныне то пресеклось, ибо король французский есть ныне самовластнейший в свете potentат». Даже и в сопредельных землях, например в *Лотрингене* (Лотарингии), имеет французский король свободный проход через всю